

«мировой суд» можно заменить на «судебный орган, в юрисдикции которого находятся данные дела» или «уполномоченный орган».

Для снятия трудностей, вызванных безэквивалентной лексикой, с учетом юридических требований, предъявляемых к аутентичным текстам международных договоров, мы предлагаем упражнения, требующие анализа и сравнения, в которых обучаемые могут применить свои знания в области внутреннего законодательства Великобритании, США и Республики Беларусь и с учетом этого принять корректное решение. Изучение ошибок, анализ причин, порождающих эти ошибки, помогают выявить реальные трудности, с которыми обучаемые сталкиваются в процессе написания равнозначных текстов международных договоров и разработать методические приемы и комплекс упражнений для снятия данных трудностей.

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ И «ВЕЛИКАЯ ТРАДИЦИЯ» СЛАВЯН

Амосова Т.В., Белорусский государственный университет

Всем известна поговорка: «Что ты носишься, как еврей с писаной торбой» или же часто приходится слышать: «Шмотки у нее на первом месте». Две дамы преклонного возраста возмущаются недобросовестностью врачей: «Это же не врачи, а настоящие могильщики! Ты знаешь, кто такой терапевт? Терапевт – это «закапывающий в землю» в переводе с этого самого языка, ну ты меня понимаешь. Тера – это земля».

В русском языке достаточно много заимствований из иврита, которые оказались в нем благодаря авраамической традиции. Большая часть «исконно русских» имен, включая Ивана да Марью, – ивритского происхождения. Ясно, что еврей носит с писаной Торой, а «шмотки» – это обветшалые от частого употребления во время службы в синагоге свитки книги «Шемот» («Имена», в синодальном переводе – книга Исход). Что касается терапевта, то это безусловно греческое слово попало в греческий из иврита, где оно представляет собой форму второго лица будущего времени единственного числа мужского рода (или повелительное наклонение) глагола «лечить» – **רפא**. Можно было бы предположить, что, напротив, это слово заимствовано ивритом из греческого, но тогда все согласные заимствованного слова представляли бы в иврите корневую базу, в то время как в иврите имеются личные формы этого глагола с изменением префиксального согласного, указывающего на лицо: **רפאתי**, **רפאת**, **רפאו** – «я вылечу», «он вылечит», «мы вылечим», то есть наличествует трёхбуквенная корневая база, типичная для семитских языков (**רפא**).

Народная этимология – это излюбленный метод толкования понятий у Сократа, Роберта Грейвза, Николая Лескова (вспомним его «комариновые серьги», то есть аквамариновые в «Воительнице»). Меня этот вопрос заинтересовал в связи с такой проблемой, как «Великая традиция» славян, созданием которой занимается Марина Цвигун – дама, объявившая себя мессией и разработавшая идеологию, являющуюся синтезом концепции Белой Богини у Р. Грейвза, христианства, еврейской каббалы, юнговской теории архетипов, гипотезы Алексея Лосева о гипербореях и многого другого. Эта идеология носит эклектичный характер, но первостепенное место в ней отведено языковому вопросу, а точнее – древнейшему праязыку, на котором якобы говорили славяне и который в искажённом виде был заимствован прочими народами. Технологи идеологии часто берут на вооружение «святой язык» или «праязык» славных предков при построении или воскрешении «Великой традиции». Этот термин принадлежит Дж. Фишману – известному американскому социолингвисту, занимавшемуся вопросами языковой политики и предложившему типологию языковой политики в зависимости от наличия у нации «Великой традиции».

В издании № 12 за 2003 г. Великого Белого Братства Юсмалос находим следующее: «Племя славян – найдревнейшее, Вы – первый Народ, откуда изошел Световой Язык, от которого изошло все человечество. На Нашем Языке говорил весь Мир. И корни Нашего Языка сегодня рассыпаны по всей планете. Наиболее родной нам язык, вышедший из древнеарийского, – санскрит. Все слова подобны. Слова современных славян также свидетельствуют о прежнем Единстве Языка. Даже в арабском и английском – есть однокоренные и схожие по смыслу слова. В этой работе Я не ставлю целью анализировать схожесть языков разных народов. А Скажу о нашем Первичном Божественном Языке, Слове Божьем, в Котором – ВСЁ!.. Ибо, действительно, вся Жизнь, Знания заключены в Языке – Слове, Букве – символе Языка. А Сам Язык заключает в себе всю Небесную Книгу Жизни, посему и зовется самскрит» [с. 2]. Далее М. Цвигун проводит какие-то наукообразные манипуляции с частями

слов, взятых из всевозможных языков (древнеегипетского, санскрита и других), толкуя их как «ключи» от «древневедической Мудрости». Наконец, она обращается к арабскому языку, что делает единственный раз, и тот – неудачно [с. 11]: «О явлении на планету Белой Матери – Акмат, говорит и святое Писание мусульман – Коран: «И вот сказал Иса, сын Марьям: «О сыны Исраила! Я – посланник Аллаха к вам, подтверждающий истинность того, что ниспослано до меня в Торе, и благовествующий о посланнике, который придет после меня, имя которому Ахмад (или Акмат)!» (Белая Мать – прим. ред.) (Сура 61:1)». Мне не удалось установить, кто такая Акмат, судя по всему, – это какая-то вариация на тему Белой Богини. Ее пытаются отождествить с Ахмадом, или Мухаммадом, используя сходство по звучанию. Но в арабском языке корень *حمد* имеет конкретное значение «прославлять», а само имя Ахмад (*أحمد*) переводится как «наиславнейший» и подчинено модели превосходной степени имени прилагательного мужского рода, относясь к тому же типу слов, что и Акбар – в выражении «Аллах Велик!» (*الله هو أكبر*). Имя Мухаммад, являясь однокоренным к имени Ахмад, представляет собой страдательное причастие настоящего времени мужского рода и переводится на русский язык как «прославленный». Если носителя русского языка можно убедить в том, что *ращ-*, *раст-*, *рост-* и *рос-* – это один и тот же корень, то есть убедить в том, что с корнем могут происходить определенные трансформации, то семитский корень совершенно непроницаем для каких-либо изменений и влияний. В арабском есть только следующие виды чередований: 1) *و – ي – ي*; 2) *و – ء*; а в иврите – 1) *ו – י – ל*, 2) *י – נ*. Причём существование чередований по первому типу обусловлено тем, что фонемы [j] и [w] считаются в семитских языках близкими по артикуляции и восходят к единой фонеме, встречающейся в составе корней в прасемитском языке – к [w], похожей на фонему, имеющуюся в английском. В иврите, например, есть только один корень, в котором [j] – исконный корневой, а именно: – *נחם* со значением «хороший» (речь, повторюсь, идёт только о корневых согласных, а не о префиксальных или суффиксальных).

Одна из последовательниц М.Цвигун предложила мне еще несколько интересных этимологий хорошо знакомых всем слов, видимо, пропагандирующихся среди адептов учения Марии ДЭВИ Христос (она же М. Цвигун). Например, в их среде принято считать, что название священного писания мусульман Коран восходит не к арабскому корню *قرأ* и соответствующему ему в иврите корню *קרא* со значением «читать, звать», а к слову «Кора» – известному юнговскому архетипу, олицетворяющему женское начало. Кроме того, в греческом слове «Евангелие» они видят не «Благую Весть», а нечто, намекающее на праматерь всего человечества – Еву, несмотря на то, что в иврите это имя звучит иначе: Хавва (*חווה*) – «дающая жизнь».

Единственный раз на с. 31 упомянутого издания некая Радивея, Посвященная Великому Белого Братства, почти угадывает значение одного ивритского корня. «Знание» и «познание» в древнесемитском языке означает «зачатие», «сотворение», – пишет она. На самом деле глагол «знать» в иврите и по сей день имеет второе значение – «совокупляться», а для «зачатия» и «сотворения» существуют другие слова. Так или иначе, культивируя собственно славянскую «Великую традицию», приходится оглядываться на чужие.

К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ ИНОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Антонович Н.Ю., Арбузова Н.Н., Белорусский государственный
экономический университет*

Чтение научных и научно-популярных текстов составляет основу преподавания иностранных языков в вузах нефилологического профиля и требует специальных навыков со стороны студента и серьезной подготовки со стороны преподавателя.

До 1990-х годов работа над такими текстами часто сводилась к заданиям, которые требовали воспроизведения прочитанной информации или ее нахождения в тексте. Это происходило частично по причине того, что преподаватель не владел научной проблемой, рассматриваемой в тексте, и поэтому не мог обсуждать глубоко ее содержание. А во-вторых, в методике тех лет преобладал акцент на языковую форму, и считалось, что для понимания текста достаточно владеть определенным лексическим запасом, грамматикой и иметь знание просодических параметров. Как следствие этого, обучение чтению происходило на уровне слов и предложений и не приводило к минимальному результату. Из поля зрения упускались логические отношения в тексте, его культурный аспект. Студенты часто не могли ответить на вопросы «почему?» и «как?», которые не допускали прямого цитиро-